

Восемнадцать месяцев... снова

На следующее утро Какаши проснулся, как обычно, ровно за три минуты до звонка будильника и, вскочив с койки, мгновенно насторожился. Убедившись, что он действительно находится в безопасности (относительно) в своей каюте в штаб-квартире АНБУ, он сел и уставился в белую стену, пока будильник не зазвонил, выводя его из ступора.

Он вскочил и обескураженно провел рукой по лицу, после чего приступил к утренним ритуалам - умыванию, бритью, одеванию и завтраку.

К тому времени, когда он закончил, было уже пять утра. Здесь Какаши отклонился от своего обычного поведения. Вместо того чтобы взять маску и отправиться на встречу с отрядом, получить задание и уйти, он закинул рюкзак на спину, где тот расположился поверх его белой стандартной брони, а плащ аккуратным рулоном был привязан к внешней стороне. Поколебавшись, он надел на лицо маску и, убедившись, что не оставил в комнате ничего из своих личных вещей, в последний раз вышел из каюты.

Медленно ступая, он прошел через штаб, нехотя, но безошибочно направляясь к спальне Наруто.

Дойдя до нее, он прижал руку к печати на внешней стороне двери, которая служила для того, чтобы только определенный персонал мог отпереть вход в комнату ребенка, а также для того, чтобы держать мальчишку в одном месте, черт побери!

Печать приняла его, и он надавил на дверь, безотчетно нервничая.

Было еще рано: светловолосый карапуз еще крепко спал в своей кроватке. Какаши сделал несколько шагов в комнату и включил свет.

Внезапная яркость разбудила ребенка, и он зашевелился: его лицо скривилось в знак протеста против света, рука поднялась, чтобы ткнуть его в глаз, а другие руки и ноги зашевелились под мягким одеялом.

"Уххх?" - прохрипел он, оглядываясь по сторонам. Заметив стоящего неподалеку Какаши, он нахмурился, глядя на него с ног до головы. "Собачка?" - вопросительно спросил он.

Какаши заколебался в последний раз. Это был его последний шанс вырваться...

"Доброе утро, щенок... э-э-э, Наруто", - запнулся Какаши. Нужно было привыкнуть называть мальчишку по имени. Иначе это выглядело бы странно.

Наруто сел, все еще потирая глаз. Одеяло упало, и он увидел, что его правая рука сжимает потрепанную игрушечную собачку, которую Мышонок подарил ему два с небольшим года

назад.

"Что... Собачка?"

"Да, Пу... Наруто, это... я. Пойдем, нам нужно уходить. Ты теперь будешь жить со мной, ясно? Так что нам придется уехать прямо сейчас. Нам нужно собрать твои вещи, хорошо?"

Блондин пристально смотрел на него на протяжении всей этой неловкой речи, и единственным его ответом было поднятие свободной руки в универсальном детском сигнале "забери меня". Какаши неловко поднял руку, но это было не так сложно, как в прошлый раз, когда ему было четырнадцать лет. Теперь Наруто обхватил его шею удивительно сильной рукой и сам как бы прижался к ней, и Какаши оставалось только подпереть его левым предплечьем под короткие пухлые бедра мальчика.

Спустив рюкзак на землю, Какаши ногой открыл его, извлек несколько свитков для хранения и принялся разбирать вещи мальчика. У него было не так уж много вещей, по сравнению со многими дьявольскими отродьями - детьми, - рассудил Какаши, - и он сможет взять с собой почти все.

Вскоре всё было готово. Наруто уже почти спал на его плече. Какаши чувствовал себя крайне неудобно.

"Ладно. Мы уходим, Наруто, - мягко сказал он. "Ты просто спи. Мы отправляемся в небольшое путешествие. Сюда ты больше не вернешься".

Он повернулся, чтобы выйти из комнаты, но маленький голосок под его левым ухом сказал: "Wai'. Oo f'ge' bangkie".

Какаши закрыл глаза. Он совершенно не понимал, что именно сказал ему ребенок. Он должен был научить его говорить лучше, даже если для этого придется постоянно с ним разговаривать. Окинув взглядом комнату, он увидел, что единственной вещью, которую он не взял в руки, было мягкое голубое одеяло на кровати.

Вздыхнув, он поднял его и, осторожно перетасовывая Наруто, перекинул через плечо, а Наруто положил сверху, чтобы одеяло упало и потерялось, только если он уронит Наруто, а этого, признаться, не произошло.

Какаши каким-то образом удалось запихнуть заполненные свитки в рюкзак и перенести сумку на спину, не уронив малыша, но к тому времени, как он закончил, он уже смертельно вцепился в маленькое тело, уверенный, что тот вот-вот упадет, уверенный, что если он упадет, то сломает себе шею и умрет.

Он казался таким хрупким. Таким маленьким, так доверчиво прижавшимся к элитному убийце.

Это казалось преступлением - держать что-то такое мягкое и невинное так близко к такой насыщенной кровью душе, как у Какаши.

Наруто неловко поморщился, и Какаши постарался слегка ослабить хватку, пока блондин окончательно не очнулся от дремоты.

"Эм... мы собираемся... идти... сейчас", - неловко сказал сереброволосый. Он не привык рассказывать о своей жизни другим; ему даже не нравилось говорить тем, кем он руководит, где он будет и что собирается делать. А парень не очень-то отвечал. Но он же должен был с ним... поговорить... так? Какаши не умел вести светские беседы, поэтому рассказывать малышу обо всем, что он делает, было хорошим способом восполнить запас слов.

Прижав ребенка к груди обеими руками, обхватив его ногами за талию и обняв маленькими ручками за шею, а Наруто положив голову ему на плечо, щекоча ухо мягкими золотистыми волосами, Какаши вышел из комнаты, быстро и скрытно покидая штаб-квартиру АНБУ. Ему совсем не хотелось столкнуться с кем-то из членов АНБУ и быть вынужденным прощаться. К тому моменту, когда состоится утреннее собрание и всему отряду сообщат о его увольнении, он планировал быть уже далеко от деревни.

Он ненавидел прощания. И приветствия. И вообще разговоры.

Люди раздражали.

Наруто начал просыпаться и с каждым днем становился все более беспокойным. Примерно к семи часам Какаши поставил его на землю и пошел рядом с ним, велел держаться рядом и не отставать.

Спустя полчаса и пятьсот метров он понял, что простая команда так и не дошла до трехлетнего и восемнадцатимесячного мальчика, который еще ни разу не был на улице (по крайней мере, на его памяти).

"Наруто, пойдем", - сказал он, когда малыш снова остановился, чтобы рассмотреть цветок. Голубые глаза Какаши вспыхнули и надулись. Мальчик был близок к тому, чтобы отказаться повиноваться, поэтому Какаши стиснул зубы и решился на страшный шаг.

Он протянул руку блондину. Мгновенно, отчасти от восторга, отчасти по принуждению, Наруто доверчиво вложил свою маленькую руку в большую руку Какаши, соглашаясь на то, чтобы его потянули за собой медленным шагом.

Вскоре Наруто начал отставать и все больше полагаться на Какаши. Дзюнин задумался, пытаясь понять, в чем дело, и только потом сообразил, что малыш совсем не привык ходить

далеко.

Но им предстоял долгий путь. Какаши попытался вспомнить, когда ему было три года - у него были смутные воспоминания о поездках с отцом за пределы деревни, когда он был совсем маленьким, до того, как отец стал так невероятно занят.

Не обращая внимания на горячие осколки боли, вспыхивавшие в сердце при мысли об отце, Какаши мысленно проанализировал стратегию его заботы о маленьком сыне, когда им предстояло долго идти.

Какаши помнил, как он гулял утром, после завтрака, а затем неизбежно уставал через час или около того, и отец нес его, засыпая на спине или плече, пока он не просыпался и они не обедали. Потом он либо шел еще, либо требовал, чтобы его везли на плечах отца, и его попеременно то везли, то везли, пока не заходило солнце, и они останавливались, чтобы разбить лагерь, поужинать, послушать рассказы Тоусана и иногда Джирайи-сама (если он был рядом) и заснуть на ночь.

Точно. Какаши может это сделать. Он решительно кивнул. Он решил, что будет действовать по той же схеме, и потянулся к Наруто, чтобы поднять его с уставших ног. Он будет нести его некоторое время, пока...

Подождите. Обед. Обед. Завтрак.

<http://tl.rulate.ru/book/101261/3483645>